

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

**БРЕНЬКОВА
АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА**

**РЕЛИГИОЗНЫЙ УТОПИЗМ В РОССИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

Специальность **09.00.14** –
Философия религии и религиоведение

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Санкт-Петербург
2013

Работа выполнена на кафедре философии религии и религиоведения
философского факультета ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

Научный руководитель: Чумакова Татьяна Витаутасовна,
доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский госуниверситет

Официальные оппоненты: Евлампиев Игорь Иванович,
доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский госуниверситет

Хижая Татьяна Игоревна,
кандидат философских наук, доцент
Владимирский госуниверситет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых

Ведущая организация: Государственный музей истории религии

Защита состоится « ____ » _____ 2013 года в _____ часов на заседании
Совета Д 212.232.68 по защите докторских и кандидатских диссертаций при
Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034,
Санкт-Петербург, В.О., Менделеевская линия, д. 5, философский факультет,
ауд. ____.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М. Горького
Санкт-Петербургского государственного университета

Автореферат разослан « ____ » _____ 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

Т.И. Лузина

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Существует множество определений понятия «утопия». В узком смысле утопия – это описанная Томасом Мором страна, которая нигде не существует, не имеет реального «топоса». Впоследствии словом «утопия» начали обозначать «идеальные», но не существующие в реальности локусы. Изучение произведений жанра «утопии» является темой множества философских, социальных и культурологических, а также филологических исследований, однако далеко не всегда при этом удается раскрыть религиозную составляющую этого понятия, которая и стала центральной темой данной работы. Для этого необходимо выбрать более широкое понимание концепта утопии, что дает возможность выявить некоторые специфические черты, и в то же время оставляет пространство для применения практически любого методологического подхода. В качестве такого определения можно применить следующее: утопия – это особая форма освоения социальной и духовной реальности, состоящая в конструировании¹ модели идеального мира. Подобный подход позволяет продемонстрировать связь концепта утопии с культурно-историческими реалиями как внешними условиями возникновения, и одновременно с особенностями психологии человека, для которого свойственно соотнесение внутренних чаяний и реальных общественных условий. Расцвет произведений утопического жанра в кризисные для общества периоды позволяет связать их возникновение с необходимостью поиска культурной идентичности людей², потерявших веру в нравственные и общественные установления. «Человек, раненный злом

---

¹ Подробнее о социальном конструировании реальности см.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е. Руткевич. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.

² Kesler C. From Utopia to Heterotopia: Outgrowing Culturally-Specific Utopian and National Models. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (Comparative Literature). University of Michigan, 2011. – XXX, 197p. P.5.

окружающего мира, – писал Н.А. Бердяев, – имеет потребность вообразить, вызвать образ совершенного, гармонического строя общественной жизни»¹.

Хронологически рамки исследования: конец XIX – начало XX вв., выбраны не случайно, в этот период в России происходили значительные социально-политическими изменения, шел поиск путей обновления, и совершались попытки кардинального слома прежних установлений. Поиски путей выхода из кризиса способствовали тому, что особую значимость приобрели утопические проекты, которые возникали не только в рамках философской парадигмы, но и в стихии народной жизни.

Современное исследование русской религиозной утопии представляет не только научный, но и общественный интерес. В условиях современного кризиса культуры, связанного с процессами глобализации и трансформации религий, исследователи все более ясно осознают потребность изучения процессов, происходивших в знаковый для русской культуры период конца XIX — начала XX вв., и по-новому оценивают феномен русской религиозной утопии. Однако, несмотря на многообразие литературы, ощущается нехватка комплексных исследований, посвященных как утопическим идеям русских философов, так и народной утопической мысли конца XIX – начала XX вв.

Актуальность данного диссертационного исследования связана с выявлением взаимосвязи между народной религиозной культурой и утопическими идеями, возникавшими в «ученой» среде, с изучением феномена религиозного утопизма в современной культуре. Представленная работа, таким образом, призвана восполнить определенный пробел как в понимании природы религиозных исканий, обусловленных народным восприятием религии, так и в анализе утопических идей переломного для отечественной культуры периода.

---

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Сов. писатель, 1990. – 346с. С.329.

Степень разработанности проблемы. Общих исследований, посвященных изучению понятия, особенностей и функций утопии довольно много. Социологический подход к исследованию утопии широко представлен в работах зарубежных исследователей К. Манхейма, Л. Мамфорда, К. Поппера, Г. Маркузе, а философско-культурологический – в трудах Э. Блоха и М. Ласки и др. Отечественные исследователи советского периода (В.П. Волгин, Г.Г. Водолазов, А.И. Володин), основываясь на марксистском анализе особенностей исторического процесса, часто связывали возникновение этого феномена с кризисом «буржуазной действительности». Большой интерес для исследователей утопии представляют и работы отечественных востоковедов М.К. Арипова, А.А. Игнатенко, А.М. Ушакова и др., посвященные утопии. Непосредственно литературной утопией занимались И.Ю. Иванюшина, О.А. Кравченко, О.А. Павлова, С.Н. Смержко и другие исследователи. Современные отечественные исследователи изучают как феномен утопии в целом (Р.А. Гальцева, Ч.С. Кирвель, В.А. Чаликова, В.П. Шестаков), так и его отдельные аспекты (Т.В. Артемьева, В.П. Кондратьев, Р.Е. Селеверстов, Г.М. Пономарева, Т.А. Пчелинцева, М.С. Уваров, И.В. Фролова). Непосредственно утопии в России посвящены фундаментальные труды Б.Ф. Егорова, Л. Геллера и М. Нике.

В связи с темой данного исследования особую важность приобретают работы, посвященные религиозной утопии. Утопические сюжеты, возникшие в рамках христианской традиции, затрагиваются в трудах таких исследователей как Я.И. Алфионов, А.И. Алексеев, Н.А. Бондарко, П.О. Никольский, Т.В. Чумакова и др. Народным религиозно-утопическим представлениям посвящены труды А.И. Клибанова, Н.А. Криничной, В.Л. Комаровича, В.Н. Морохина, Г.Т. Хохлова, К.В. Чистова и других. Религиозные искания в русской культуре исследуемого периода, и, в частности масонство, анализировались в работах Т.В. Артемьевой В.С. Брачева, В.Н. Егошиной, В.Н. Елисеева М.Н. Лонгинова, Т.И. Лузиной, В.И.

Новикова, А.Н. Пыпина, В.И. Сахарова, А.И. Серкова, Т.О. Соколовской и др.

Утопические элементы, содержащиеся в учениях российских религиозных движений конца XIX – начала XX веков, затрагиваются практически во всех работах, посвященных этой теме, но отдельно исследователями не рассматриваются. Значительное число таких трудов принадлежит дореволюционным авторам, как работавшим в рамках религиозной парадигмы, так и занимавшимся исследованиями в качестве представителей власти (чиновники Министерства внутренних дел И.П. Липранди, П.И. Мельников), однако, при их изучении надо помнить, что выводы в этих труда обусловлены не объективным научным интересом, а охранительными, апологетическими и миссионерскими задачами. Значительный вклад в исследование народных религиозных движений был внесен учеными, занимавшимися исследованиями в области антропологии религии, и прежде всего В.Д. Бонч-Бруевичем. Большое количество материала по теме данного исследования, в том числе фактического, содержится в этнографических и литературоведческих исследованиях Е.З. Баранова, И.М. Добротворского, Н.И. Ивановского, О.М. Новицкого, А.А. Панченко, А.С. Пругавина, И.К. Пятницкого, Л. Энгельштейн и др.

Идеи русских мыслителей конца XIX – начала XX веков достаточно хорошо изучены, но утопический дискурс, присутствовавший в их трудах, не всегда привлекал внимание исследователей. Исключением являются исследования творчества Н.Ф. Федорова, что связано с тем, что религиозно-утопический проект всеобщего воскрешения является центральным для его философии. Философско-религиозные идеи Федорова привлекали внимание многих исследователей и историков русской философии конца XIX – первой половины XX вв.: Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, А.Л. Волынского, Н.О. Лосского, В.В. Зеньковского, А. Кожевникова, С.И. Матвеева), а также современных исследователей (А.Г. Гачевой, Б.В. Емельянова, С.Г. Семеновой, В.А. Никитина, М.Б. Хомякова и др.).

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных философской системе В.С. Соловьева в целом (работы В.Ф. Асмуса, А.Ф. Лосева, Е.Н. Трубецкого, Н.А. Бердяева, В.А. Кувакина, Г.Ф. Гараевой, И.И. Гарина, О.С. Пугачева, Е.В. Кривовой, М.И. Ненашева, Н.О. Арискиной, С.А. Душиной, П.П. Гайдено и др.), а также его эсхатологическим идеям (В.Э. Багдасарян, Н.В. Котрелев, В.В. Сербиненко), труды, посвященные непосредственно утопическому проекту всемирной теократии В.С. Соловьева довольно немногочисленны (А.А. Лебедев, Б.А. Шувалов).

Многие работы, посвященные Ф.М. Достоевскому, носят литературоведческий (А.Е. Кунильский, М.М. Меликян, А.Н. Надумович, И.И. Агаева и др.) или исторический (Б.И. Бурсов, А.А. Звоников, У.С. Любятинская, Ю.Г. Кудрявцев, В.А. Твардовская, И.Л. Волгин, Г.М. Фридлиндер и др.) характер. Философские аспекты творчества Ф.М. Достоевского исследовались в работах И.И. Гарина, И.И. Евлампиева, В.К. Кантора, Р. Лаута, Б.Н. Тихомирова и др. Утопические идеи в творчестве Ф.М. Достоевского проанализированы в работах И.И. Евлампиева.

Исследователи трудов Л.А. Тихомирова (С.Н. Бурин, Д.В. Ермашов, Е.Н. Мощелков, О.А. Милевский, В.Н. Костылев, М.Н. Начапкин, С.Б. Неволин, А.В. Пролубников, С.В. Посадский, М.Б. Смолин А.А. Шириняц и др.) ориентируются на рассмотрение его концепции монархической государственности, и почти не затрагивают религиозных аспектов его философских воззрений.

В целом необходимо заметить, что, хотя сам феномен утопии исследован достаточно глубоко, но его религиозному аспекту не уделяется заслуженного внимания в исследовательских работах. Религиозный утопизм как отдельное явление не только не классифицируется и типологизируется, но зачастую не выделяется вовсе. Фундаментальные труды, посвященные утопическим идеям как в народной религиозной традиции, так и у отдельных мыслителей, встречаются редко. Этим доказывается необходимость попытки создания

обобщенного исследования, посвященного религиозному утопизму в определенный исторический период.

Объектом диссертационного исследования является религиозная составляющая утопических концепций в контексте развития отечественной культуры исследуемого периода.

Предмет исследования – религиозный утопизм в России конца XIX – начала XX веков.

Целью данного диссертационного исследования является рассмотрение религиозного утопизма в России на рубеже веков как многогранного явления, укорененного в культурных особенностях развития отечественной религиозно-философской традиции.

Для достижения поставленной цели потребовалось выполнение следующих

задач:

- произведен анализ культурных предпосылок возникновения религиозного утопизма в России в рассматриваемый период;
- выявлены особенности религиозно-философских концепций конца XIX – начала XX веков, способствовавшие развитию религиозного утопизма;
- проведен компаративный анализ религиозно-философских и народных проектов утопии, характерных для исследуемого периода

Теоретико-методологические основы исследования определяются задачами диссертации и особенностями привлекаемого материала. Методологической основой ее послужили труды как отечественных, так и зарубежных исследователей культуры конца XIX – начала XXI веков, а ввиду их несомненного многообразия и многочисленности использовался метод критического анализа и литературной систематизации. При всестороннем рассмотрении исследуемого материала привлекались сравнительный и герменевтический методы гуманитарного знания. Для раскрытия культурного контекста религиозного утопизма описываемого периода необходимым оказывается исторический метод исследовательской работы.

Ввиду необходимости систематизации разнообразных проявлений рассматриваемого феномена применялся метод типологического анализа и феноменологического описания.

Научная новизна диссертационного исследования определяется в первую очередь тем, что в нем впервые предпринимается комплексное исследование *религиозного* утопизма в контексте отечественной культуры конца XIX – начала XX веков. Кроме того, был произведен типологический анализ русского религиозного утопизма исследуемого периода, и выявлены три основных типа религиозного утопизма: антропологический, социальный и экологический утопизм. Также было доказано типологическое единство религиозного экологического утопизма исследуемого периода и современных автохтонных новых религиозных движений, таких, как «Анастасийцы» и «Церковь Последнего Завета» («виссарионовцы»).

Практическая значимость работы. Результаты данного диссертационного исследования могут быть использованы для подготовки лекционных курсов по истории русской философии, религиозной философии, религиоведению, философии религии.

Положения, выносимые на защиту:

- предпосылкой возникновения и широкого распространения утопических идей в народной среде в исследуемый период являлась трансформация христианского образа рая в земное Царствие Божие; именно оно становится объектом исканий, прежде всего, в крестьянской среде, раскрывает свой облик в легендах о Китеже и Беловодье, вызывает сильные «переселенческие» настроения в народной среде и дает толчок к утопическим построениям христианских общин бегунов;
- общественные и религиозно-философские движения XIX в. (и в частности масонство), получившие значительный импульс для своего развития благодаря реформам Александра II, не только оказали огромное влияние на развитие отечественной философской традиции, но и определили ее

характерные утопические особенности, ярко проявившиеся в разнообразных проектах религиозных философов рассматриваемого периода;

- религиозно-философские идеи конца XIX – начала XX веков отличаются разнообразием проявлений мистических, рационалистических, психологических и политических аспектов в их утопических построениях;

- компаративный анализ утопических идей, нашедших отражение в народной традиции и в творчестве отечественных мыслителей к. XIX – нач. XX вв., позволяет сделать вывод о едином векторе направленности религиозно-утопических исканий русского общества рубежа веков;

- разносторонний анализ проявлений рассматриваемого феномена дал возможность выявить определенные типы религиозного утопизма: антропологический, социальный и экологический утопизм. Все эти три формы утопизма тесно взаимосвязаны: антропологические религиозные утопии направлены на преобразование человека в соответствии с религиозными идеалами, социальные на построение этими людьми идеального общества, а экологические направлены на преобразование окружающего мира.

Апробация диссертации. Диссертация была обсуждена на кафедре философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета 16 апреля 2013 года и рекомендована к защите по специальности 09.00.14 – философия религии и религиоведение. Основные положения, защищаемые в данной работе, находят свое отражение в 9 публикациях общим объемом 3 п. л., а также в докладах на конференциях «Проблемы изучения возникновения религии и культуры» (Санкт-Петербург, ГМИР, 2011), XIII Международные научные чтения памяти Н. Ф. Федорова (Москва, ГБИЛ, 2011), «Бренное и вечное. Человек в пространстве российской государственности: мифология, идеология, социокультурная практика» (Новгород, НГУ, 2011г.), IX Всероссийской научной конференции "История идей и история общества"

(Нижевартовск, НГУ, 2011), «Религия в век науки» (Санкт-Петербург, СПбГУ, ГМИР, 2012).

Структура и объем работы. Текст диссертационного исследования состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, включающего 380 наименований. Общий объем работы составляет 186 страниц.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** раскрывается актуальность темы исследования, оценивается степень разработанности проблемы, сформулированы цели и задачи диссертации, ее теоретико-методологические основания, теоретическая и практическая значимость результатов, научная новизна исследования и апробация его результатов, а также положения, выносимые на защиту.

Глава I «Экологический утопизм» посвящена типам религиозного утопизма, характерным как для народной религиозности, так и для отдельных философов конца XIX – начала XX веков. В ней также рассматриваются теоретические вопросы, имеющие отношение к феномену утопии в целом и религиозному утопизму в частности.

В *первом разделе «Утопия и религиозный утопизм»* раскрывается рабочее определение утопии как особой формы освоения социальной и духовной реальности, состоящей в конструировании модели идеального общества. Она содержит в себе понятие идеала в качестве цели, которая может рассматриваться как реальный ориентир для изменения существующего общества. В этом проявляется проективный характер утопических идей. Негативное отношение к возможности воплощения в действительность утопического идеала вызывает к жизни антиутопические построения, также являющиеся разновидностью утопии. Некоторые исследователи отмечают, что русская утопия изначально отличалась от

европейской тем, что несла в себе потенциальную готовность перерождения в антиутопию¹.

Разнообразие проявлений утопии вызвало к жизни многочисленные подходы к ее рассмотрению. В отечественной литературе долгое время был господствующим направлением исторический материализм, согласно которому утопия являлась одним из признаков увядания капиталистического общества. В зарубежной же литературе довольно подробно разработаны как социологический, так и философско-культурологический подходы. Однако непосредственно религиозный утопизм довольно редко удостоивался отдельного рассмотрения.

Сама абсолютизация проективной составляющей утопии превращает ее в утопизм. Утопизм же *религиозный* отличает то, что в нем религия выступает как основа построения будущего общества². Благодаря исторически сложившимся в России условиям христианство становится основанием для проектирования будущего идеального общества. В данной религиозной традиции утопические представления прежде всего связаны с образами рая, которых можно выделить два – рай как сад и рай как город. Идеальным местом для общения с Богом считается и пустыня, которая в связи с географическими условиями воспринимается как удаленное от людей место (болото, лес, остров на озере), а не непосредственно песчаная равнина. Чувственный (рай-сад) и духовный (рай-город) образы рая находят свое отражение и в проблеме хилиазма, элементы которого особенно характерны для народной религиозной традиции.

Во *втором разделе «Утопия «земного рая»»* рассматриваются проекты превращения окружающего природного мира в райскую действительность. Первый из них находит свое отражение в учении христианского движения бегунов и фольклорное воплощение в легендах о граде Китеже и Беловодье.

---

¹ Воробьева А.Н. Расколотый мир в изображении русской антиутопии XX века. // Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX – XX веков. / Отв. ред. Н.В. Ковтун. – М.: ФЛИНТА: Наука 2011. – 408с. С.224.

² Кирвель Ч.С. Утопическое сознание: сущность, социально-политические функции. – Минск: Изд-во «Университетское», 1989. – 192с. С.129.

Общее убеждение о наступлении последних времен и пришествии антихриста после раскола дополняется у бегунов живым, острым ощущением его повсеместного присутствия. Таким образом, возможность спасения должна быть где-то вне места постоянного проживания, и обрести ее можно только путем принятия страннического образа жизни. Целью, которую стремятся найти такие «паломники», являются священные, райские места с абсолютно другим укладом жизни. Китеж и Беловодье как раз и описываются как средоточие христианской религиозности, место проживания святых и отмеченное самим Богом *земное* поселение, где возможно идеальное существование. Этот утопический проект подразумевает активность человека, но не в самом построении Царства Божьего на земле, а в поиске готового рая в «дальних землях». Этим он кардинально отличается от предложенного духоборческими общинами пути. При широкой символической трактовке христианских понятий сама отдельная группа, имеющая часть обрабатываемого природного пространства, рассматривается как прообраз Царства Божьего, при том что внутренний акт веры является началом такого глобального преобразования. Но реальные попытки духоборов создать идеальные общины в Канаде на основе своего учения нельзя назвать успешными. Однако типологическое сходство с их проектом имеют новые религиозные движения (анастасийцы и Церковь Последнего Завета), пользующиеся популярностью в современном российском обществе.

Третий раздел «Утопия «общего дела»» посвящен экологическому философскому проекту Н.Ф. Федорова. Философ разрабатывает концепцию преобразования мира, центральной идеей которого является воскрешение всех умерших отцов сынами. Этот процесс рассматривается мыслителем как «нравственное» изменение среды обитания человека через объединение в решении двух главных вопросов – санитарного и продовольственного. Последний вопрос решится после объединения всех людей для осуществления регуляции природных сил. Отношения между понятиями регуляции и розни (как противоположного чаемому Федоровым состоянию

объединения) взаимозависимые: «регуляция невозможна при нашей розни, но рознь потому и существует, что нет общего дела»¹. Принципиальное решение продовольственного вопроса будет возможно только при полном понимании человечеством приоритета деревни над городом, общего труда на земле при дружественной природе над ремесленным отдельным трудом. Санитарный вопрос заключается в очищении природы с помощью извлечения из окружающей среды частиц тел умерших и их последующего воскрешения. Последнее понятие является вершиной философского проекта Н.Ф. Федорова и имеет множество различных аспектов. Воскрешение является инструментом возвращения «золотого века» человечества, который заключается для философа в повторном принятии на себя божественной задачи регулирования природы, в которую и входит, в том числе, воскрешение отцов сынами. Так, приведение природы к идеальному состоянию заключается в упразднении самого факта рождения. Более того, само действие сынов во время воскрешения имеет противоположную направленность: сын воскрешает своего отца, тот, в свою очередь, своего и так до первого рожденного человеческого существа. Смерть сама по себе не является абсолютным состоянием, и ее осознание приводит к пониманию необходимости долга воскрешения. Все предки, «отцы», должны считаться мертвыми только условно, пока все способы их воскрешения, изобретенные объединенным человечеством, не будут испробованы. Сами возможные пути этого великого процесса мыслитель не считает нужным рассматривать подробно.

Для полного понимания философско-утопического проекта «общего дела» Н.Ф. Федорова необходимо рассмотрение и особенностей некоторых религиозных понятий, которые мыслитель включает в свое учение. Например, Бог для него – это, прежде всего, триединый Бог отцов, понимание самой Троицы весьма своеобразно, а Христос оказывается только примером для объединенного человечества в деле воскрешения. Литургия

---

¹ Федоров Н.Ф. Философия общего дела. В 2х т. Т.1 – М.: Изд-во АСТ, 2003. – 701с. С.12.

оказывается мистическим процессом осуществления идеального проекта через объединение людей в акте веры. Совокупная молитва должна превратиться в храмовую службу, а самим храмом становится преображенная делом природа, вся Вселенная как место внецерковной литургии¹. Таким образом, все возможные религиозные понятия и феномены оказываются подчинены главной идее философа – воскрешению как глобальному проекту, помогающему человечеству в решении главных вопросов своего существования.

Глава II «Антропологический утопизм» описывает три варианта достижения Царства Божьего через, прежде всего, изменение внутреннего состояния человека. Такие проекты могут быть как очень радикальными (скопчество), так и достаточно щадящими для человеческой природы (толстовство).

В *первом разделе «Утопия целомудрия»* анализируется возможность построения идеального мира через изменение телесной составляющей человека, которое неминуемо приводит к очищению от грехов и образованию земного рая. Таким радикальным методом для христианского движения скопцов стало «огненное крещение». Оно должно было использоваться наравне с пищевыми и поведенческими ограничениями, но оставаться высшей ступенью к совершенству. Ссылаясь на Священное Писание, последователи движения рассматривали оскотление как кардинальное преобразование человека, вхождение в рай уже во время земной жизни. При чем центром распространения такого рода изменений должна была стать скопческая община – семья, состоящая уже не только из кровных родственников, но и включающая «братьев» и «сестер» по вере, а не только объединенных брачными узами. Именно социально-утопический аспект оскотления как пути к созданию нового мира, нового общества и стал основной причиной преследования скопцов властями. Указы, касавшиеся

---

¹ Плеханов Е.А. Философско-педагогическая антропология «общего дела». // // На пороге грядущего. Памяти Николая Федоровича Федорова (1829-1903). Ред.-сост. А.Г. Гачева, М.М. Панфилов, С.Г. Семенова. – М.: Пашков дом, 2004. – 454, [1]с. С. 42.

этой религиозной группы, определяли их главную опасность в том, что они подрывали семейные отношения, уродовали человеческое тело, разрушали самые основы продолжения рода¹. Однако именно благодаря такого рода отношениям возникала возможность воплотить на практике требование о любви к ближнему, хотя бы внутри одной общины. Эсхатологические настроения играли большую роль во внутренней жизни движения. Наступление «последних времен» не подвергалось сомнению и спасение оказывалось возможно только при принадлежности к скопчеству. В биологическом отношении отрицание последующего рождения делало не только представителей данной общины «последними» в череде поколений, но и для отдельного оскопленного человека время физического созревания останавливалось. Такое состояние последователи движения стремились распространить за пределы общины, желательно, по крайней мере, на всю страну. В этом стремлении им была необходима лояльность государственных представителей. Политический аспект скопческого учения развил Алексей Еланский в своем утопическом проекте. По его мнению, в качестве советника при монархе, да и впоследствии во всех государственных структурах, необходимо присутствие скопца («боговдохновенного сосуда»), который мог бы влиять на политику согласно с открывающейся ему божественной волей. Однако этот проект не получил государственной поддержки и широкого признания в самих скопческих общинах.

Кризис скопческого учения отразился в появлении в XIX веке так называемых духовных скопцов, отрицающих само «огненное крещение» в качестве единственного средства спасения. Это лишало их главной отличительной черты и сближало с другими христианскими движениями.

Второй раздел «Утопия ненасилия» посвящен рассмотрению доктрины толстовского движения и, прежде всего, философской концепции самого Л.Н. Толстого как его главного теоретика. Концепция известного писателя представляет собой проект истинной жизни, который необходимо применить

---

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб., 1885. – 367с. С.62.

здесь и сейчас и который сам он более или менее успешно старался осуществить применительно к себе. Началом верного пути к идеальному существованию является осознание человеком своего действительного положения. Оно должно заключаться в отказе от личного блага и развитии разумного понимания мира, что одновременно означает подавление стремления к животному образу жизни. Невозможность блага личного существования заключается, по мнению философа, в наличии трех факторов: борьбы ищущих личного блага существ между собой, обмана наслаждения, приводящего к пресыщению и страданиям, и смертью¹. Но при животном способе существования боль и смерть превращаются в указатели, доказательства возможности другого образа жизни, заключающегося в выполнении заветов истинной религии.

Она, по мнению Л.Н. Толстого, не является идентичной с христианством. Отражение всеобщего принципа можно найти как в восточных (конфуцианство, даосизм, буддизм, брахманизм), так и в авраамических (ислам, иудаизм) религиях. Он заключается в признаваемом мыслителем главным законом любви, из которого следует принцип ненасилия. Само насилие можно охарактеризовать как любое воздействие на чужую волю, совершенное вопреки ее согласию и подкрепленное прямым или косвенным использованием силы². Согласно этому определению, государственные и церковные институты являются главными проводниками насилия в обществе. Борьба с ними не только бесполезно, но и не нужно, так как они сами исчезнут по мере принятия закона любви всем человечеством. Властный контроль над человеком станет не нужен, так как он сам провозгласит своим нравственным ориентиром принцип ненасилия. Церковь же, которая с помощью мистических элементов учения (внешняя

---

¹ Толстой Л.Н. О жизни. // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 томах. Т.17. Публицистические произведения 1886-1908. – М.: Худож. лит., 1984. – 296с. С.65.

² Клюзова М.Л. Сила зла и зло силы (Проблема соотношения понятий зла и насилия в нравственно-религиозном учении Л.Н. Толстого). // Философия ненасилия Л.Н. Толстого: точки зрения. / Под ред. А.А. Гусейнова, Б.В. Емельянова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 247с. С.154.

молитва, таинства, почитание икон) искажила истинную религию, окажется попросту не нужна, когда сущность этого всеобщего закона будет открыта каждым человеком самостоятельно. Тогда и наступит Царство Божье на земле без раздора, насилия и страха смерти. Единственное, что требуется от человека – свободное принятие основного закона истинной религии и после этого праведная жизнь в согласии с ним. Самое соблазнительное, что для этого «человеку не нужно делать никаких подвигов и поступков, а нужно сделать только внутреннее усилие сознания»¹. Практический характер учения Л.Н. Толстого отразился в появлении общин на основе его философского учения, стремящихся к «опрощению» своего быта, чтобы не жить, используя труд других. Негативное отношение мыслителя к государству и церкви вовсе не означало отрицание им любых объединений, особенно организованных на добровольных основаниях. Попытка реализации учения толстовства на практике оказалась скорее неудачной, так как большинство общин, возникающих на Кавказе, отличались кратковременностью существования.

В *третьем разделе «Утопия внутреннего совершенства»* содержится описание предложенного Ф.М. Достоевским пути приближения человека к Царству Божьему. Интересно, что, в отличие от двух предыдущих типов антропологического религиозного утопизма, этот проект строится на только индивидуальных усилиях и не предполагает возможности создания общин на своей основе.

Прежде всего, писатель утверждает несостоятельность разума перед действительностью. Сами ученые, «разумные», учат теперь, что отвлеченная логика неприложима к человечеству². Тогда остается путь веры и свободного избрания Бога. Однако это вовсе не означает, что для большинства это эволюционное движение от неверия к постепенному абсолютному принятию

---

¹ Толстой Л.Н. Царство божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание. // Толстой Л.Н. Избранные философские произведения. / Сост. Н.П. Семькин. – М.: Просвещение, 1992. – 528с. С.406.

² Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях. // Достоевский Ф.М. Искания и размышления. / Сост. Г.М. Фридендер. – М.: Сов.Россия, 1983. – 464с. С.185.

божественного существования. Само наличие свободы человека предполагает возможность ее утверждения через отрицание Бога. Своего рода наказанием за это отступление оказывается страдание, пройдя через которое обновленная личность сможет нравственно возродиться. Внутреннее изменение человека непременно приведет к внешней трансформации общества, высшей ступенью которой и будет чаемое райское состояние. Будущее совершенство личности в Царствии Божием включает в себя и достижение ею высшей возможной степени свободы¹. Однако это совершенное состояние мира не может существовать без Бога, а человек не сможет достигнуть его без Христа. Иисус в интерпретации Достоевского является свидетельством возможностей человеческой природы, воплощением высшего нравственного идеала, совершившим подвиг взятия всех грехов человечества на себя. Христос – это единственная основа действительного нравственного поведения человека². Ведь иначе – «все позволено». Вера самого писателя во внутренние возможности человечества противостоит убеждению великого инквизитора из «Братьев Карамазовых» в необходимости вести «слабых» людей к хотя бы какому-то приемлемому существованию. Но если он считает невозможным для человечества следовать по пути Христа, нравственному совершенствованию через страдание и, как конечный итог, к вечной жизни в Царствии Божием, то инквизитор должен предложить нечто другое. Даже революционный путь вполне подходит ему, чтобы, хотя путем гибели многих непримиримых (возможно, людей по-настоящему нравственных), наконец соединились оставшиеся³. Это и путь антихриста, противоположный пути Христа. Несмотря на очевидную утопичность второго, принятие первого пути невозможно, так как, вступив на него, человек теряет самое ценное, что у

---

¹ Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. // Лосский Н.О. Бог и моровое зло. / Сост. А. Поляков, П. Алексеев, А. Яковлев. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, Республика, 1999. – 432с. С.110.

² Бурсов Б.И. Личность Достоевского. – Л.: Сов.писатель, 1979. – 679с. С.173.

³ Розанов В.В. О легенде «Великий инквизитор». // О великом инквизиторе: Достоевский и последующие. / Сост. Ю.И. Селиверстов. – М.: Мол.гвардия, 1991. – 270с. С.149.

него осталось – свободу, а значит и возможность прийти к Богу через ограничение ее ради блага человечества. Конечно, чрезмерная надежда на каждого человека – слабое место концепции Ф.М. Достоевского, однако она дает возможность отдельной личности изменить мир к лучшему, приблизить его к Царству Божьему на земле.

Глава III «Социальный утопизм» включает в себя анализ проектов, сконцентрированных не столько на внутреннем изменении человека или внешнем обожествлении природы, сколько на тех социально-политических трансформациях, которые могут происходить при стремлении к построению рая на земле.

Первый раздел «Религиозно-философские предпосылки социального утопизма в общественном движении XVIII – XIX веков» посвящен утопическим проектам, возникающим в среде масонства как наиболее заметного философско-религиозного движения рассматриваемого периода. К 1770-м годам оно являлось самым многочисленным в стране, охватывая практически все крупные города России. Причиной популярности масонства являлась не только внешне привлекательная таинственность и обрядность, берущее свое начало от строительных средневековых гильдий. Акцент на нравственных установках, внимание к человеку, чье существование неотделимо не только от общества, но и от мира в целом, предопределили успех Ордена.

В основе мировоззрения масонов лежит представление об общем для всех законе, носящем, прежде всего, нравственный характер. Исполнение его является обязательным для всех людей, которые перед ним равны вне зависимости от каких бы то ни было обстоятельств. Для самих последователей проповедуемые ими взгляды рассматривались как истинное христианство¹. Конечно, заповеди добра, равенства, любви, неприятия войны имеют непосредственное отношение к этой религии. Но масонство отличает

---

¹ Аржанухин С.В. Философские взгляды русского масонства: По материалам журнала «Магазин свободнокаменщический». – Екатеринбург: УрГУ, 1995. – 224с. С.209.

стремление к гармоничному сосуществованию человека и общества, личности и государства, поэтому связь религиозных императивов и гражданских добродетелей становится неразрывной: «кто не точно христианин, тот не может быть ни добрый гражданин, ни верный подданный, ни добродетельный друг царя, отечества и человеков»¹. Самым разумным государственным устройством представляется монархия, чтобы одному закону соответствовал единственный его гарант.

Необходимость активной позиции как в отношении собственного внутреннего усовершенствования, так и реализации нравственных императивов в поступках для масонов была очевидна: «теоретическое христианство без практики есть уголья, собираемые на главу мою; но практическое христианство есть истинный бальзам, проникающий все наше существо»². То, что по отношению к обществу оборачивалось, например, благотворительностью, в духовном отношении оказывалось требованием постоянного самосовершенствования. Результат применения многих масонских положений в масштабе целой страны прекрасно описан в утопическом романе М.М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина». Нереальность Офирской земли не только в ее идеальном, с точки зрения автора, устройстве, но и в одномоментном принятии единого закона целой страной, от императора до крестьянина, причем с внутренним пониманием его необходимости и божественной освященности. В ней присутствует в качестве идеала просвещенная монархия, построение общества согласно здравому смыслу и действия людей в соответствии с нравственными законами. Утопические построения масонов являлись отражением просветительского духа того времени, а общественная деятельность имела огромное значение для русской литературы, искусства, появления и развития философии в России.

---

¹ Трубецкой Н.Н. Письмо А.М. Кутузову. 13 марта 1791 г. (№5), Москва. // Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века. 1780 – 1792 гг. – Петроград: Изд-е Отделения русского языка и словесности Имп. Академии Наук, 1915. – LXII, 336с. С.105.

² Кутузов А.М. Письмо И.В. Лопухину. 18 декабря 1790 г., Берлин. // Масонство и русская культура. / Сост. В.И. Новиков. – М.: Иск-во, 1996. – 495с. С.207.

Во *втором разделе «Теократическая утопия»* анализируется идея всемирной теократии В.С. Соловьева как утопический социально-религиозный проект. История человеческого общества, несомненно, движется в сторону нарастания добра в мире, а значит, конечным пунктом будет идеальное общество (которое в первый период творчества философа представлялось ему как теократическое) и совершенство для человека. Отражением божественного единства станет мировое *всеединство*, а само соединение Бога и человека, примером которого служит Христос, будет реализовываться во всем человечестве. Социальность органически включена Соловьевым в определение нравственности личности: человек является нравственно-действующим субъектом потому, что живет в обществе. Это утверждение находит свой отклик, в том числе, и в масонских постулатах. Для нравственного прогресса недостаточно одного индивидуального совершенствования лиц, необходимо соответствующее изменение общественного строя¹. В русле идеи всеединства это означает, что окончательный этап исторического развития, составляющий общую цель человечества, должен завершиться созданием абсолютной общественной организации. Теократия как высшая цель развития христианского государства и нормального общества, где свершилось единство духовной и светской власти, личности и государства, - является безусловным идеалом для В.С. Соловьева. Единство власти и веры – всего лишь отражение общего состояния идеального общества. Государство, в известном смысле, как и церковь, тоже богочеловеческая организация, при условии его совершенства. Оно одухотворяется благодаря служению высшим религиозным интересам и притом свободному служению. Христианское государство и церковь должны быть едины и нормальные между ними отношения состоят в том, что государство признает за вселенской церковью принадлежащий ей высший

---

¹ Новгородцев П.И. Идея права в философии Вл.С. Соловьева. // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М.: Пресса, 1991. – 638, [1]с. С.534.

духовный авторитет, а церковь предоставляет государству всю полноту власти для соглашения мирских интересов с высшей волей.

Единство церкви, государства и общества подчеркивается Соловьевым через согласное и гармоничное действие их представителей – вселенского первосвященника, законного государя и пророка как вдохновенного главы общества. Эти три служения соотносятся с временным движением исторического процесса, олицетворяя отдельные его стадии, в чем и состоит их «простейшее отличие». Священническое служение крепко благочестивой преданностью преданиям прошлого, царское – верным пониманием нужд настоящего, а пророческое – верою в истинный образ будущего¹. Для достижения такого идеального состояния общества задача человека состоит в распространении добра на все жизненные отношения и другого пути, нежели воплощенное всеединство, нет. Именно нравственность связывает мир в единое целое, придает направленность и смысл жизни². Однако парадокс, по мнению некоторых исследователей, состоит в том, что вместе с этикой в проблему всеединства вносится не только гармонизирующее начало, но также и разлад, дисгармония, ибо проблема мирового добра диалектически сопряжена с проблемой мирового зла³. Трагизм данной ситуации показан в последней книге В.С. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории».

В этом произведении изображается взлет и падение ложной теократии, при описании которой центральной фигурой является антихрист, показанный в своем духовном становлении. Он создает государство, по своему описанию

---

¹ Соловьев В.С. Оправдание добра. // Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. Духовные основы жизни. Оправдание добра. – Минск: Харвест, 1999. – 910с. С.902.

² Борисенко Л.О. Нравственность как основа Всеединства в историософии В.С. Соловьева. // Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В.С. Соловьева: Материалы международной конференции (14-15 февраля 2003г.). Серия «Symposium». Выпуск 32. / Отв.ред. А.И. Бродский. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – 395с. С.184.

³ Горелик К.В. Этика всеединства в философии Владимира Соловьева. // Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В.С. Соловьева: Материалы международной конференции (14-15 февраля 2003г.). Серия «Symposium». Выпуск 32. / Отв.ред. А.И. Бродский. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – 395с. С.195.

практически идентичное всемирной теократии, описанной самим философом в предыдущих работах. Но в «Трех разговорах...» сам В.С. Соловьев теперь утверждает, что осуществление мировой гармонии не есть поступательный процесс истории, а свершающийся через пришествие антихриста и окончательное воцарение Христа со своими последователями в Царствии Божием конец исторического существования человечества. Так он сам показывает утопичность своих первоначальных идей и приходит к апокалипсическому пониманию конца истории.

Третий раздел «Монархическая утопия» содержит описание проекта монархической государственности Л.А. Тихомирова. Сама идея государства появляется, согласно мыслителю, как ответ на необходимость кооперации в истории развития человечества как вида. Да и идея верховной власти имеет своим источником общечеловеческую потребность в объединяющем принципе¹. Неизбежность государства проявляется и в стремлении человека к справедливости, причем чем больше такое стремление, тем необходимее такая принудительная власть, стоящая, во имя общего блага и закона, над всеми лицами и группами². В широком смысле государство есть нация, поскольку она объединена верховной властью в одной организации. От ее же нравственного состояния зависит выбор принципа верховной власти. Для идеального положения нации требуется *единоличная* власть, так как только личность имеет совесть и несет ответственность перед Богом за свои поступки. Так как монарх является воплощением единоличной верховной власти, то он естественным образом должен стать и центром сплочения народа.

Церковь и государство являются двумя сторонами существования нации. Как учреждение политическое, государство зависит от заботы самих людей. Однако обязанность их состоит в осуществлении путем своего государства

---

¹ Пролубников А.В. Концепция монархической государственности Л.А. Тихомирова. Автореф. дис. на соиск.уч.ст. канд.полит. наук. – М., 1998. – 22с. С.15.

² Тихомиров Л.А. Рабочие и государство. // Тихомиров Л.А. Апология Веры и Монархии. / Сост. М.Б. Смолин. – М.: Москва, 1999. – 480с. С.354.

той же правды, содержание которой дается религиозным сознанием¹. Выработка же этого сознания достигается лишь в Церкви, учреждении божественном. Содержание идеалов, предлагаемых Церковью, естественно, имеет нравственный характер. Для Тихомирова, как и для многих религиозных мыслителей, мораль вне религии не существует.

При попытке создать образ идеального христианского государства, философ не забывает и об одновременной критике его врагов – социализма, анархизма, причем помимо статей использует заимствованную у В.С. Соловьева форму повести об антихристе, называя свое произведение «В последние дни (Эсхатологическая фантазия)». Прежде всего, Л.А. Тихомиров рассматривает социализм, «стремящийся отлиться в строгие рамки коммунизма»², и анархизм, который разрушает все его построения, как подготовительный этап для появления антихриста. Сама «Эсхатологическая фантазия» - это предостережение обществу, выбирающему гибельную дорогу, равно как и описание предстоящих на этом пути бедствий. Возвращение божественной идеи, сохраняющейся в духе нации, построение в согласии с ней социально-политических отношений в виде монархической государственности – альтернативный путь, приводящий к должному способу существования человека.

В **Заключении** формулируются основные выводы и подводятся итоги исследовательской работы.

---

¹ Тихомиров Л.А. Государство и Церковь. // Тихомиров Л.А. Критика демократии. / Сост. М.Б. Смолин. – М.: Москва, 1997. – 672с. С.600.

² Тихомиров Л.А. В последние дни (Эсхатологическая фантазия). // Тихомиров Л.А. Христианство и политика. / Сост. С.М. Сергеев. – М., Калуга: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 2002. – 616с. С.408.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

По теме диссертации опубликованы статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных результатов диссертационных исследований:

1. Бренькова А.С. Монархическая государственность как модель общественного устройства в философии Л.А. Тихомирова. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011, №3(9). Ч.1. – Тамбов: Грамота, 2011. С. 20-22. – 0,4 п.л.

2. Бренькова А.С. Религиозно-философские аспекты утопизма в русском масонстве. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013, №4(30). Ч.1. – Тамбов: Грамота, 2013. С. 45-49. – 0,5 п.л.

3. Бренькова А.С. Утопия ненасилия Л.Н. Толстого. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013, №5(31). Ч.1. – Тамбов: Грамота, 2013. С. 30-32. – 0,4 п.л.

Другие публикации:

4. Бренькова А.С. Критика идеи демократии Л.А. Тихомировым. // История идей и история общества. Материалы IX Всероссийской научной конференции (14-15 апреля 2011) – Нижневартковск: Изд-во Нижневартковского гос. ун-та, 2011. С. 218-220. – 0,11 п.л.

5. Бренькова А.С. Понятие Бога в философии Н.Ф. Федорова в контексте утопии воскрешения. // Православие и русская культура: прошлое и современность: материалы Международной науч.-практ. Конф. (19-21 мая 2011 г., г. Тобольск) / Отв.ред. Т.А. Кибардина, Т.Ю. Никитина. – Тобольск: Славянский печатный дом, 2011. С. 16-18. – 0,22 п.л.

6. Бренькова А.С. Психологическая утопия Достоевского. // Современные исследования социальных проблем, №4(08). / Гл.ред. Абросимов В.Н. – Красноярск: НИЦ, 2011. С. 285-289. – 0,2 п.л.

7. Бренькова А.С. Понятие воскрешения в философии Н.Ф. Федорова. // В мире научных открытий, 2010, № 6.2 (12), Красноярск: НИЦ, 2011. С. 316-319. – 0,18 п.л.

8. Бренькова А. Повесть об антихристе как политико-религиозная антиутопия (В.С. Соловьев и Л.А. Тихомиров). // Бренное и вечное. Человек в пространстве российской государственности: мифология, идеология, социокультурная практика: Материалы Всерос. науч. конф. 13-14 декабря 2011г. / Ред. колл. А.П. Донченко, Г.Э. Бурбулис, Ю.В. Синеокая, А.А. Кузьмин, А.Г. Некита, С.А. Маленко. – Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2012. С. 70-73. – 0,4 п.л.

9. Бренькова А.С. Скопчество как религиозная утопия. // Религия в меняющемся мире: сб. статей. / Ред. колл. М.М. Шахнович (отв. ред.), Т.В. Чумакова, М.С. Стецкевич, Е.А. Терюкова. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2012. С. 302-308. – 0,35 п.л.